

6. Программы политических партий России, конец XIX – XX вв. / Рос. Независимый ин-т социал. и нац. пробл. (РНИСиНП) и др. – М. : РОССПЭН, 1995. – 461 с.
7. Горев, Б. И. Максималисты / Б. И. Горев // Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова : Т 3: Кн. 5. СПб., 1914. с 511-523.
8. Алексеева, Г. Д. Народничество в России в XX в. Идеиная эволюция / Г. Д. Алексеева. – М. : Наука, 1990. – 245 с.
9. Жуков, А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма / А. Ф. Жуков. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. – 158 с.
10. Нестроев Г. Максимализм и большевизм / Г. Нестроев. – М. : Максималист, 1919. – 141с.

УДК 930

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ «НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ»

А.П. Косов

УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

В исторической науке XX в. одним из перспективных и популярных направлений стала историческая антропология. Обращаясь к ее истокам, отдельные исследователи заглядывают в конец XVIII – XIX вв. и называют целый список предшественников этого направления: Л. д'Осси, Ж. Мишле, Ф. Ницше, А. Варбург, Ф. Корнфорд, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебни, А.Н. Веселовский и др. Однако справедливости ради следует отметить, что перечисленные выше авторы не только не использовали самого термина «историческая антропология», но и не принадлежали к какому-то одному, общему для них, научному движению или направлению [4]. Поэтому более справедливо основоположником исторической антропологии как особого исследовательского подхода в истории считать известного французского исследователя средневековья М. Блока. Особенно выделяют одну из его основных работ – «Короли-чудотворцы» (1924 г.), написанную с новых, нехарактерных для позитивистской историографии, позиций. Неоцененная по достоинству в то время, данная книга приобрела широкую популярность среди исследователей лишь в 1970–1980-е гг., что позволило М. Блоку по праву считаться основоположником исторической антропологии.

Безусловно, М. Блок стал одним из новаторов в мировой исторической науке, поскольку его обращение к фигуре человека с новых позиций заложило основу будущего направления. Согласно М. Блоку, человек является магнитом, который, притягивая к себе сферы исследований самых разных наук, позволяет рассматривать их в историко-антропологической перспективе. Поэтому в своей книге «Апология истории или ремесло историка», воплощающей программные методологические и содержательные принципы нового понимания истории, М. Блок сделал вывод: «Настоящий историк похож на человеческого людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча» [2, с. 18]. Взгляды и подходы М. Блока в области исторического познания разделял его соратник по школе «Анналов» Л. Февр, а также их последователи в лице Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, Э. Ле Руа Лядюри и др. Новым в их творчестве стала переориентация внимания с событий политической и военной истории, персоналий правящих элит, истории искусства и т.п., что было основным для классической истории на изучение картин мира, обычаев, образов жизни, привычек и иных стереотипов сознания и поведения рядового человека рассматриваемого периода. По существу уже в 1950–1960-х гг. шла подспудная «антропологизация» отдельных исследовательских сфер (аграрная история, демографическая история). И хотя до 1970-х гг. лозунг «исторической антропологии» как нового направления прямо не выдвигался: новые подходы ассоциировались преимущественно с «историей ментальностей», переживавшей пору своего расцвета [4].

Значительное влияние на появление исторической антропологии оказали и успехи социальной антропологии (исследования К. Леви-Строса, А. Рэдклифф-Брауна, Б. Малиновского, Э. Эванса-Причарда, К. Гирца и др.). Сближение в 1950–1960-е гг. антропологии и истории в работах К. Томаса, Э.Хобсбоума, А. Макфарлейна, Т.Ниппердая, Ю. Мартина, О. Кёлера и др. также существенно способствовало появлению данного направления в исторической науке.

Таким образом, переориентация предмета исследования в мировой историографии приводит к появлению и дальнейшему развитию исторической антропологии как самостоятельного направления, что вызвало своеобразную революцию в исторической науке, повлекшую за собой два десятилетия острых дебатов в научной среде. Их итогом, приведшим к смене исследовательских ориентиров у

значительной части ученых, стал так называемый «антропологический поворот». Именно в 1970-е гг. произошел явный сдвиг интересов социальных историков от исследования структурных изменений к ментальным представлениям, ценностям, обычаям, моделям поведения, т.е. от социологически ориентированной, социально-структурной истории к антропологически ориентированной, социально-культурной истории, или исторической антропологии, которая стала претендовать на главенство в исторической науке [6, с. 170].

Как отмечает белорусский ученый О.М. Шутова, сдвиг в социальной истории во многом произошел под влиянием, с одной стороны, культурной антропологии с ее подходами к изучению общества «изнутри», а с другой стороны, трансформации социального объекта исследования, т.е. включения в него, наряду с сословиями или классами, таких микроструктур, как семья, приход, община и т.д. В поле зрения многих историков вошли поведение и обыденное сознание людей, а объектами изучения стали не только социальные структуры и процессы, но и повседневная жизнь людей, их надежды, планы, разочарования [7, с. 99].

Сам термин «историческая антропология» в качестве обозначения особой дисциплины впервые появился в статье французского ученого А. Бюргера в конце 1970-х гг. Само название «историческая антропология» было сконструировано по образцу французской и британской «социальной антропологии» и американской «культурантропологии» (иногда оба эти направления объединяются под общим наименованием «этнологии») [4]. Именно А. Бюргер дал и характеристику этого направления. Он определил историческую антропологию как историю привычек – физических (включая жесты), пищевых, эмоциональных, ментальных. При этом ученый заявил о том, что у исторической антропологии нет собственной территории. Данный подход может применяться в истории питания, истории тела (включая историю болезней, сексуального поведения и т.п.), истории семьи. Однако наиболее плодотворными на тот момент, констатировал А. Бюргер, являлись историко-антропологические исследования в сфере изучения ментальностей [4].

В связи с этим хотелось бы остановиться еще на одном моменте: «история ментальностей» и «историческая антропология» – это два разных направления или все же одно? За пределами Франции многие исследователи (В. Лепение, М. Эрбе, А.Я. Гуревич, М.А. Барг и др.), пристально следившие за эволюцией школы «Анналов», склонны были считать, что речь идет об одном и том же направлении [4]. Да и сами французские историки до конца 1980-х гг. не имели четкой позиции по поводу соотношения указанных понятий. И только в начале 1990-х гг. они сделали решительный выбор в пользу «исторической антропологии» как названия отстаиваемого ими направления исследований. Например, именно к такому решению пришел Ж. Ле Гофф. По его мнению, эти два направления сложились почти одновременно, но соответствовали разным целям и объектам. Историческая антропология представляет собой общую глобальную концепцию истории и охватывает разные области исследования (изучение тела, жестов, устного слова, ритуала, символики и т.п.), ментальность же ограничена сферой автоматических форм сознания и поведения [3]. В результате в историографии произошло разграничение понятий «история ментальностей» и «историческая антропология», что стало отражением некоторых новых историографических тенденций, которые можно связать с усилением индивидуализирующего подхода в исторической науке и с отказом от преимущественного внимания к детерминантам (к которым, безусловно, относится и теория ментальностей) [4]. Однако в целом, это не внесло ясности в понимание сути исторической антропологии. Ученые разошлись во мнении: каким должно быть поле деятельности для этого научного направления. Например, многие российские историки, вслед за А.Я. Гуревичем, увидели суть исторической антропологии в изучении ментальностей; другие же, поняли ее как исследование роли личности в истории и т.д. [3].

Сегодня существуют две основные традиции понимания сущности исторической антропологии. Так, для приверженцев традиций школы «Анналов» историческая антропология – это «новая историческая наука» в целом. Однако есть и иная точка зрения. Например, согласно мнению П. Берка, которого поддерживают К. Гинзбург, Дж. Леви, Х. Медик, Н.З. Дэвис и др., историческая антропология – это лишь одно из направлений социальной (социокультурной) истории. При этом и те, и другие признают междисциплинарный характер исторической антропологии и выступают за ее плодотворное сотрудничество с социальными науками, а также соглашаются в том, что данное направление имеет свою специфику в сфере проблематики: особое внимание уделяется символике повседневной жизни, манере поведения, привычкам, жестам, ритуалам и церемониям [4].

На формирование современной исторической антропологии во многом повлияли следующие работы признанных классиков данного направления. Это книга французского историка Э. Леруа

Ладюри «Монтайю, окситанская деревня с 1294 по 1324 г.» (1975 г.), книга итальянского автора К. Гинзбурга «Сыр и черви. Космология мельника XVI в.» (1976 г.), книга англичанина П. Берка «Историческая антропология Италии начала нового времени» (1987 г.) и две книги американки Н.З. Дэвис «Общество и культура во Франции начала нового времени» (1975 г.) и «Возвращение Мартена Герра» (1983 г.), раскрывавшие индивидуальный опыт людей, повседневную жизнь человека, делавшие акцент на «народной культуре». Данные книги придали огромный импульс дальнейшему развитию антропологического направления в истории.

В ходе научных дебатов сторонники и теоретики исторической антропологии обвинили представителей социально-структурной истории в игнорировании гуманистической стороны истории и призвали отказаться от рассмотрения надличностных структур и процессов. Действительно, начав с народных низов, постепенно историческая антропология обратила свое внимание на поведение, обычаи, ценности, представления, верования всех социальных групп и классов, независимо от их положения в общественной иерархии, включая отражение меры взаимного противостояния в их представлениях друг о друге [5, с. 234]. В результате, акцент в исторических исследованиях переместился на изучение «человека в истории», с созданных им и довлеющих над ним «структур» на его непосредственный опыт в историческом процессе [7, с. 102].

Таким образом, антропологическая ориентация исследователей открыла пути выхода социальной истории на качественно новый уровень познания. Антропологический подход позволил, во-первых, сопоставить наблюдения над национальной историей с зарубежными аналогами, а, во-вторых, проследить эволюцию жизни «простых людей» и их представлений, традиций в рамках развития какой-то одной цивилизации.

Тем не менее, в середине 1980-х гг. в кругах историков настойчиво звучал призыв к преодолению противостояния структурного и антропологического подходов, к синтезу этих аспектов социальной истории. Одновременно с этим росло осознание взаимодополняемости новых междисциплинарных и традиционных исторических методов, сохранивших свое центральное место в исследовательской практике ученых. В ходе дискуссий о взаимоотношениях истории и антропологии была отмечена необходимость преодоления негативно сказавшихся на обеих дисциплинах последствий раскола между социальной и культурной антропологией. В итоге, осознание необходимости сочетания структурного и антропологического подходов в социально-историческом анализе явилось наиболее позитивным результатом теоретических исканий и дискуссий. Поскольку нельзя не согласиться с мнением о том, что «историческая антропология, несмотря на специфические интегративные характеристики своего предмета, не может сама по себе обеспечить целостное рассмотрение исторической действительности, что для исторического объяснения недостаточно выяснить «картину мира», те представления и ценности, которыми люди руководствовались в своей деятельности, а нужно также выявить, чем определялось содержание и изменение этих представлений, ценностей и т.п., т.е. внести историчность в изучение ментальности» [6, с. 172–173].

1990-е гг. внесли свои изменения в историческую науку. Так, во Франции усилилась критика исторической антропологии и резко сократилось число исследователей, идентифицирующих себя с этим направлением, что во многом было связано с ростом внимания к особенному и уникальному и со сдвигом в сторону микроистории. Однако падение популярности исторической антропологии не имело глобального характера. В таких странах, как Германия, Италия, Испания, Россия, наоборот, наблюдалось повышенное внимание к этому направлению [1, с. 33–34]. К тому же, для сегодняшнего дня характерно наличие целого ряда «родственных» направлений, которые можно считать вариантами антропологически ориентированной истории. В частности, можно назвать «новую культурную историю» (Р. Дарнтон, Л. Хант и др.), характерную для США и Великобритании. Основные направления изучения «народной культуры» были заложены работами К. Томаса, Н. Зомон Дэвис, А. Макфарлейна, П. Берка и др., которые ввели в научный оборот новые исторические факты, характеризующие особенности духовной жизни простых людей, уровень их грамотности, язык, знание окружающей природы, многообразные проявления социальной активности [6, с. 171].

В русле исторической антропологии развивается и итальянская «микроистория» (К. Гинзбург, Э. Гренди, М. Грибауди, Дж. Леви, П. Редонди, С. Черутти и др.), на которую сильнейшее воздействие оказала социальная антропология. В 1990-е гг. у микроистории появились активные приверженцы во многих странах мира (Х. Медик в Германии, Ж. Ревель во Франции и др.).

Немецкая «история повседневности» в 1980-е гг. была представлена тремя основными направлениями. Первое – это антропологический подход Т. Ниппердая и его сторонников, группировавшихся вокруг Фрайбургского института исторической антропологии. Второе – это

«этнологическая социальная история». Активный сторонник этого направления Х. Медик, критикуя Т. Нипперда за его абстрактные построения, выступал за диалог историков и этнологов, способный прояснить, по его мнению, сложную взаимозависимость социальных структур и действующих в истории людей. Третье направление связывается с А. Ничке, который выдвинул в качестве главной задачи изучение изменений поведения людей во времени. Это направление получило название «историческое исследование поведения». Однако ни один из отмеченных подходов так и не стал в Германии по-настоящему влиятельным направлением, которое бы объединило историков всей страны. Успех выпал на долю другого направления, сформировавшегося в 1980-х гг.: истории повседневности, которое было критически воспринято академической наукой. Успехи этого направления связывают, прежде всего, с творчеством А. Людке. Что касается собственно «исторической антропологии», то сейчас это понятие в ФРГ не обозначает какое-то определенное направление. Оно имеет собирательное значение, объединяя ряд родственных подходов и направлений: история повседневности, микроистория, история менталитета, история культуры и т.д. [4].

Таким образом, сегодня все эти направления объединяются тем, что в центре их внимания находится Человек. К тому же, они весьма схожи и являются производными тех или иных принципов «новой исторической науки». Часто отличия между ними наблюдаются только в предмете исследования и в национальной традиции употребления того или иного термина как названия данного научного направления.

В российской историографии антропологические подходы к изучению истории характерны для А.Я. Гуревича, А.Л. Ястребицкой, Ю.Л. Бессмертного, Л.М. Баткина, Ю.Н. Афанасьева, оказавшихся пионерами в области исторической антропологии. Среди российских последователей этого направления также следует назвать М.В. Крюкова, В.В. Малявина, А.Н. Мещерякова, изучающих историю и культуру Востока; А.А. Чекалову, занимающуюся Византией; Л.М. Дробизеву, М.Е. Бычкову, М.М. Кром, исследующих проблемы средневековья у восточных славян; А.С. Лаврова, Е.Б. Смилянскую, О.Е. Кошелеву, работающих в области российской истории XVIII в.; С.В. Журавлева, Е.А. Осокину, Е. Зубкову, И. Нарского, пишущих о советском периоде истории; Е.С. Сенавскую – специалиста в области военно-исторической антропологии и др.

Основным периодическим органом печати, в котором публикуются исследования российских и зарубежных авторов в области исторической антропологии, является выходящий с 1989 г. журнал «Одиссей. Человек в истории», каждый номер которого имеет свою центральную тему. Следует отметить, что значительную популярность историко-антропологический подход в России получил только в 1990-е гг., когда появились новые исследователи, стали проводиться конференции, издаваться сборники и т.д.

В Беларуси до недавнего времени такие проблемы, как питание в истории, телесность, половые отношения, рутинная работа, досуг и способы его проведения, привычки и т.д., не исследовались. Отечественные историки, как правило, отдавали предпочтение исследованиям «традиционных» предметных областей исторического процесса. Однако последние работы В. Носевича, Е. Гаповой, И. Чикаловой, Г. Дербиной и др. свидетельствуют о том, что антропологическое направление пришло и в белорусскую историческую науку, хотя в этом плане белорусским ученым предстоит еще много работы, а значит, существует широчайшее поле для исследований [7, с. 105–106].

Таким образом, историческая антропология – как самостоятельное направление в исторической науке – во многом возникла из-за внутренней потребности в обновлении методики и проблематики, которую мировая историческая наука испытывала во второй половине XX в., и получила распространение во многих странах мира.

Список использованных источников

1. Бессмертный, Ю.Л. Историческая антропология сегодня: французский опыт и российская историографическая ситуация / Ю.Л. Бессмертный // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докл. и сообщ. науч. конф. / Рос. гос. гуман. ун-т; отв. ред. О.М. Медушевская. – М., 1998. – С. 32–34.
2. Блок, М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
3. Кром, М.М. Арон Яковлевич Гуревич и антропологический поворот в исторической науке / М.М. Кром // Русский журнал [Электронный ресурс]. – 2006. – № 81. – Режим доступа: <http://www.magazines.russ.ru/nlo/2006/81/kr14-pr.html>. – Дата доступа: 20.03.2010.

4. Кром, М.М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу / М.М. Кром // Электронная библиотека по культурологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/antropology/krom/stan.html>. – Дата доступа: 20.03.2010.
5. Репина, Л.П. История исторического знания: учеб. пособие для студентов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 290 с.
6. Репина, Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике / Л.П. Репина // Одиссей. Человек в истории. 1990. – М.: Наука, 1990. – С. 167–181.
7. Шутова, О.М. Историография и постмодерн. Вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI века / О.М. Шутова. – Мн.: БГУ, 2008. – 279 с.

УДК [316,6+165]:[124,5+005]

ЧЕЛОВЕК КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

С.П. Цепанев

УО «БрГТУ», г. Брест, Республика Беларусь

Социально-экономические теории формируют нормативные модели человека в экономике как некоторый императив, определяющий его развитие. Любая экономическая модель определяет основные детерминанты и формы деятельности человека, всякая экономическая парадигма в качестве гипотезы (или аксиомы) приемлет ту или иную интерпретацию основных мотивов и целей человека и его институционального окружения. В предельно общем виде это человек, действующий в своих интересах, но различающийся уровнем своей активности (А.Смит); деятельный, экономный, использующий свои средства как ресурсы, обеспечивающие наслаждение (Дж.С.Милль, Дж.Бентам); ограничивающий себя рамками рационального понимания «справедливости» (Б.Гильдербранд, К.Книс); формируемый институтами общества и распадающийся на «капиталиста» и «рабочего» (К.Маркс); рационализирующий потребление через обмен благ посредством денежного эквивалента (У.С.Джевонс, К.Менгер, Л.Вальрас); рационализирующий ситуацию при помощи государства и тем самым снимающий состояние неопределённости, порождаемое недостатком информации (Дж.М.Кейнс); умножающий общие знания людей, взаимодействующих на рынке и формирующийся в результате влияния общественных институтов (Ф.Хайек). Очевидно, что то или иное понимание человека формирует различные социально-экономические реальности, выражаемые в системе институтов. Такое конструирование предполагает признание вариантности сконструированной системы отношений и поиск корректных способов её описания.

Однако модель человека зависит от сформировавшейся экономической парадигмы. Так в рамках парадигмы институциональной экономики мотивы поведения человека определяются его стремлением к изменению своего экономического положения в рамках институциональной системы, поэтому предмет экономической теории смещается в сторону анализа отношения человека и институтов.

Экономическая интерпретация человека является результатом неолиберальной экономической политики, но при этом он ограничивает (в силу одномерности мотива) сферу собственного бытия, и сферу общей социальной жизни, они замыкаются и препятствуют его собственному развитию, противоречат принципам «открытого» общества. В неоклассической модели «экономический человек» ориентирован на максимизацию материальных благ, а «институциональный человек» – на укрепление своего статуса в общественной системе.

«Институциональный человек» может ориентироваться на статус как единственную (либо главную) цель, но может и рассматривать статус как рациональное средство достижения совершенно иных целей, в том числе и связанных с выходом за пределы институциональных ограничений.

Те или иные интерпретации человека в экономических науках первоначально возникают как предпосылка, исходные принципы которой сформированы в других дисциплинах (философии, социологии, психологии), но уточняются в экономической теории. Возможно построение соответствующих моделей и в самой экономической науке, однако специфика ее предмета потребует жёсткой модели человека, поэтому чаще они выступают результатом междисциплинарного синтеза, в рамках культурно-цивилизационных парадигм.